
УДК 82.0(470.64)

ББК 83.3(2=Каб)

X 16

Хакуашева М. А.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела адыгской филологии КБИГИ при Правительстве КБР и КБНЦ РАН e-mail: aliya1995@list.ru

Постсоветская кабардино-черкесская повесть

(Рецензирована)

Аннотация:

Дается общая характеристика жанра кабардино-черкесской повести последних трех десятилетий и отмечается, что главной задачей части современных произведений становится ответ на социальный и культурный кризис. Подобные мотивы, имея под собой явственную фольклорную основу, вместе с тем, немислимы без сложного процесса символизации, семиозиса. Выделяются особенности современной адыгской литературы, заключающиеся в фрагментарности сюжета, усилении преапокалипсических мотивов, драматическом видении исторического прошлого и будущего своего народа. Современная адыгская повесть делает акценты на роли личности в новом мире, новой шкале этических и эстетических ценностей, значительном усилении экзистенциального восприятия.

Ключевые слова:

Сложная композиция, фрагментарность, кризис больших нарративов, фольклор, миф.

Khakuasheva M.A.

Doctor of Philology, Leading Scientist of the Adyghean Philology Department, Institute of Humanitarian Researches, the Government of Kabardino-Balkar Republic and Kabardino-Balkar Center of Russian Academy of Sciences, e-mail: aliya1995@list.ru

Post-Soviet Kabardian-Circassian great story

Abstract:

The paper provides the general characteristic of a genre of the Kabardian-Circassian great story of the last three decades. The response to social and cultural crisis or reaction becomes the main task of a part of modern works. Similar motives, having a clear folklore basis, at the same time are inconceivable without the composite process of a symbolization and semiosis. The plot fragmentariness and strengthening pre-apocalyptic motives are specific features of the Adyghean modern literature. The new, profoundly drama vision of the historical past and future of the people, a personality role in the new world, a new scale of ethical and esthetic values and considerable strengthening the existential perception are more often is defined in this genre.

Keywords:

Complex composition, fragmentariness, crisis of great narratives, folklore, myth

В конце XX века дальнейшее совершенствование художественного мастерства, использование лучших традиций мировой, русской классической и советской многонациональной литературы становятся основными задачами кабардинской и черкесской литературы.

Говоря о прозе последних трех десятилетий, А. Х. Мусукаева обобщает: «...Жанр повести претерпел специфические «превращения». На первых порах простое расширение повествовательных рамок рассказа, привнесение в него исторического сюжета служило достаточным основанием для становления нового прозаического жанра. Однако в современных условиях преимущественный интерес к нравственным проблемам делает дальнейшее такое расширение «рациональным». Движение - от повести к роману - происходит главным образом в исторической теме. Современная тематика предпочитает раскрыть себя в жанре повести. Мы не хотим и не можем сказать, что в данном случае происходит движение «от романа к повести», поскольку романские формы только складываются в кабардинской литературе... Жанр повести получил большие прерогативы, но не всегда к ним был подготовлен художественно, хотя бы в силу неразвитости романских форм. Поэтому повесть в кабардинской литературе «делает работу» сейчас и за романную художественность, за романский психологизм и реализм, а главное - использует эти компоненты и для эпической панорамы национальной действительности, и для постановки нравственных проблем, имеющих общезначимый интерес. Последнее становится все более актуальной для прозаиков задачей» [1: 125]. Одними из главных причин стремительного развития жанра «большой» прозы автор называет растущее самосознание и воздействие русской литературы и культуры в целом.

Если в 30-50-х годах XX века спецификой национальной адыгской литературы являлся «художественный историзм»

[2: 236-244], то настоящее время отмечено кризисом больших нарративов. Это связано с развенчиванием возможности метатекстов «объяснить» или даже художественно репрезентировать «реальную действительность». Не являются исключением в этом смысле и молодые литературы, в частности адыгская.

Часть художественных текстов откачивается от былых функций, столь актуальных для недавнего советского метода, - воспитательной, образовательной и д. п. Некоторые адыгские авторы тяготеют к фрагментарности сюжета. Такими произведениями являются роман талантливого адыгейского поэта и писателя Н. Куека «Вино мертвых», повесть «Черная гора», кабардинского писателя М. Емжука («Всемирный потоп»). Подобная иллюзорность «сюжетных линий» нарративных субъектов, мироощущение автора - повествователя имеют отношение к элементам постмодернизма.

Определяется результирующий вектор в системе важнейших координат современных произведений: новое, чаще глубоко драматическое видение исторического прошлого и будущего своего народа или этноса, роль личности в новом мире, новая шкала этических и эстетических ценностей, значительное усиление экзистенциального восприятия, которые инициируют темы абсурда, неприкаянности и одиночества, ощущения разорванности времени, пространства и сознания, общей мировой дисгармонии, усиление преапокалипсических и апокалипсических мотивов. Наиболее распространенными метафорами современного произведения становятся образ дороги, (чаще как мифологема путешествия «в глубь себя», интериоризации), состояние промежуточности, транзиторности. Главной задачей части современных произведений становится ответ на социальный и культурный кризис или реакцию. Подобные мотивы, имея под собой явственную фольклорную основу, вместе с тем немислимы без слож-

ного процесса символизации, семиозиса.

Так, новый литературный метод кабардинского писателя Д. Кошубаева связан с радикальным переосмыслением художественной структуры и нравственных категорий Нартиады. Современный кризис национальной культуры получил закономерный резонанс в его творчестве. Обращаясь к смеховой стихии - пародии, сатире, иронии, – автор в своем романе достигает обратного семиотического и семантического эффекта по сравнению с нартским эпосом, лежащим в его основе. Им впервые применяется метод *деконструкции*, который разрушает структуру почти всех концептов адыгского мифа, приводя их к своей противоположности. Так, трансформируясь из фольклорного в литературный, адыгский миф в романе «Абраг» из *утопии превращается в антиутопию*. Писатель традиционен в использовании нартского героического эпоса как материала для романного дискурса, но в методах его художественной реализации обнаруживает себя как *постмодернист*. Роман Д. Кошубаева ознаменовал собой появление новой разновидности жанра адыгского романа - пародийную антиутопию. Эта новая, уже достаточно отчетливая тенденция в кабардинской литературе соответствует общей тенденции, характерной для всей постсоветской литературы. В реалистической прозе 1990-х годов наиболее характерными жанрами являются повесть и роман, а в ее условно - метафорическом стилевом течении актуализируется *жанр антиутопии* (Л. Петрушевская «Новые Робинзоны», В. Маканин «Долог наш путь», Т. Толстая «Кысь»). Произведения современных адыгских авторов включают в себя *реминисценции, аллюзии и интертекст* в широком диапазоне мировой литературы и культуры в целом. Это касается, например, творчества Н. Куека, Дж. Кошубаева, Ю. Чуюко и др.

Конец XX столетия становится переломным этапом, когда кризисное ху-

дожественное сознание в поисках утраченной самоидентификации усиливает связи и фольклором, мифом. Одновременно усложняются и обогащаются формы этих связей. Их можно считать одним из способов восстановления целостной картины мира. Художественное сознание испытывает серьезные трансформации, приближаясь к основной характеристике мифологического мышления – его креативности, то есть способности к мифотворчеству, в данном случае – литературному. Новый литературный миф порой обретает форму смелого творческого эксперимента, - так возникает роман-миф в стихах «Каменный век» Х. Бештокова, а вслед за ним – целое направление современной литературы, которое можно обозначить как неомифологизм. Эта новая тенденция связана с появлением целого ряда художественных произведений, в основе которых в большей или меньшей степени и разной форме доминируют мифологический и фольклорный элементы и структура. К жанру романа-мифа можно отнести «Каменный век» Х. Бештокова, «Вино мертвых» Н. Куека, «Сказание о Железном Волке» Ю. Чуюко, «Всемирный потоп» М. Емкужа, «Абраг» Дж. Кошубаева, «Затерянный в городе» З. Канкулова. При этом все эти произведения с известной степенью условности можно определить как антиутопию, так как все эти произведения содержат ее главный элемент – художественную репрезентацию крайней степени энтропии природы и человеческого социума.

Если вчера еще литература могла называться региональной, то сегодня она все больше унифицируется и приобретает общие черты, свойственные произведениям современной мировой литературы. Уже несколько десятилетий в центре внимания западной культуры находится главный герой, которого можно было бы обозначить как «непроявленный аутсайдер». Эти произведения отличают настоящий гуманизм и демократия, так

как они «случайно» обнаруживают нештучный дремлющий потенциал любого «маленького» человека, снимают ложное клише «неудачника», обнажая несостоятельность и порочность государственных институтов власти. Сегодня литературным героем становится маргинал, житель российских «провинций», который впервые начинает осознавать свою экзистенциальную и социальную роль или миссию, освобождаясь от навязанных идейно - политических и нравственных ложных стереотипов. Возможно, именно такую идейную и художественную форму обрела ныне тема «маленького человека», распространенная в русской классической и мировой литературе. Такие герои интересны тем, что существуют не в обычной культурной плоскости, а в нескольких, а то и множестве совмещенных плоскостей. Тип сознания таких героев по определению – маргинальный. Он становится доминирующим, так как развенчивает былые сомнительные ценности, не навязывая своих.

Конец XX века стал переломным для кабардинской литературы. Прозаические произведения обрели внушительный диапазон, распавшись на множество разностилевых направлений, образований. С одной стороны, такой феномен мог быть объяснен закономерной преемственностью традиций, но некоторые другие феномены «выпадали», казались необъяснимыми с точки зрения объективных исторических фактов и закономерностей. Вместе с тем, любая эстетическая система, (литература, в том числе), является относительно независимой автономной саморегулирующейся системой, которая никогда не бывает напрямую связана с общественно-экономической формацией, институтами власти, общественными структурами и т. д. Существующие корреляции имеют лишь весьма опосредо-

ванное значение. В пределах эстетических систем возникают парадоксальные, подчас необъяснимые явления, которые порой достаточно пролонгированы и устойчивы.

«Наша точка зрения, - писал В. Кожин, - основывается на убеждении, что литературный процесс напрямую не связан с социумом, - это эстетический саморазвивающийся феномен, которому, тем не менее, присущи специфические законы развития. Он в большей степени связан с законами развития человеческой духовности» [3: 448].

На протяжении относительно длительного периода кабардинская литература представляла относительно стабильную и закрытую систему. Именно поэтому глубокий кризис конца века кажется закономерным. Доминирующим методом долгое время оставался реализм. При этом важнейшими источниками, питающими национальную литературу, были адыгские мифология, фольклор, этнография. Основой индивидуального художественного мышления оставалось мифо - эпическое сознание. Однако если эти составляющие органично ассимилировались художественным материалом, составляя его неотъемлемое начало, то в ряде других художественных произведений этнографизм, фольклоризм и историзм становились едва ли не единственной характеристикой того или иного эстетического образца. Возможно, такая особенность «родовых пятен» адыгской литературы была своеобразным прямолинейным ответом на известное идеологическое требование, предъявляемое к советской культуре: «быть национальной по форме и социалистической по содержанию».

С другой стороны, современный литературный процесс характеризуется развитием тенденций к стиранию жанровых дефиниций.

Примечания:

1. Мусукаева А.Х. Поиски и свершения. Нальчик, 1978. 140 с.
2. Хуако Ф.А. Социально-исторические и жанровые предпосылки усиления личностного элемента в северокавказской прозе (30-50-е гг. XX века) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2007. Вып. 3. С. 237-245.
3. Кожин В.В. Комментарии к размышлению о русской литературе. М., 1991. 524 с.

References:

1. Musukaeva A.Kh. Searches and achievements. Nalchik, 1978. 140 pp.
2. Khuako F.A. Socio-historical and genre preconditions of the personal element strengthening in the North Caucasian prose (the 30-50s of the XX century) // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2007. Issue 3. P. 237-245.
3. Kozhinov V.V. Comments on the reflection on Russian literature. M., 1991. 524 pp.